

УДК 1(091):130.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.3.141

**ОПЫТЫ «КОНСТРУИРОВАНИЯ» ФИЛОСОФИИ:
КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО, ВТОРОЙ ЭТАП
(Л.П. КАРСАВИН, Н.С. ТРУБЕЦКОЙ)**

В.В. Ванчугов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва

На материале классического евразийства реконструируется разработка новой философии. Целью исследования является выявление попыток «конструирования» собственной системы взглядов, излагаемых евразийцами в формате философского нарратива. Особый интерес представляет выявление не только корпуса текстов и группы интеллектуалов, но и контекста, совокупности социальных факторов, оказавших влияние на идеологически мотивированный «креативный» процесс. Полученные результаты создают платформу для понимания не только произошедшего в определенном месте и при определенных условиях, но и формируют установки сознания для аналогичных действий в аналогичных ситуациях. Классическое евразийство представляет особый интерес для философского исследования, поскольку появляется возможность наблюдать опыт как организации междисциплинарных исследований, так и создания нового философского направления, которое претендовало на выражение новой идеологии в категориях академической философии.

Ключевые слова: *евразийство, идеология, мировоззрение, проектирование, метафизика, методология, доктрина, учение, установка сознания.*

Контекстуальное и методологическое введение

Философский процесс в России содержит моменты, эпизоды, представляющие ценный эмпирический и методологический материал историкам мысли в контексте «конструирования» философии (например, «Общество любителей мудрости», ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский и др.). Особый интерес с точки зрения «проектирования» философии представляет собой и классическое евразийство. Под таковым я понимаю идеологию, совокупность взглядов, имеющих определенную пространственно-временную локализацию, устойчивую социальную группу, обосновывающую необходимость построения «континента Россия–Евразия». В формировании новой цивилизации, а также в разработке новой философии принимали участие интеллектуалы в изгнании, отечественные эмигранты в период времени с 1921 по 1929 гг.

Таким образом, в центре моего внимания классическое евразийство в интеллектуальном, прежде всего в философском аспекте. Другими словами, то общественное движение и направление мысли, которое, как утверждал

П.Н. Савицкий в статье 1922 г. «Два мира», «заключает в себе зерно стремления к истине общефилософской» [8, с. 113]. Особенно ценно, что с самого начала, с первых шагов, они принимаются за проектирование собственной философии. Первыми здесь отметились такие деятели, как Г.В. Флоровский с его рассуждениями о «новой православной философии», и П.Н. Савицкий («благая метафизика»). Эта тема требует отдельного освещения, в данной же статье я представлю реконструкцию второго этапа «конструирования» евразийской философии, где наибольшую активность в этом направлении проявляют Л.П. Карсавин и Н.С. Трубецкой. Ретроспективно видится, что важно проработать материал по тем периодам, этапам, которые можно обнаружить в эволюции классического евразийства, поскольку это дает представление о меняющейся палитре мнений, условий, факторов, базовых установках и игре случайностей, всего того, что присутствует в ситуации организации творческой работы в условиях неопределенности и нестабильности.

Уже во втором сборнике евразийцев («На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2»), опубликованном в 1922 г., П.Н. Савицкий пытается усиливать философскую тематику, сводя в единое поле тексты современные и прошлые, наращивая объем философических сюжетов. Особо активным и продуктивным в этом деле оказывается Г.В. Флоровский, усиливая замысел «благотворной метафизики» П.Н. Савицкого своими построениями на тему «новой православной философии». Однако наметившийся тандем вскоре распался: после того как Флоровский заметил, что участники движения интересуются в большей степени политическими делами, а не философско-культурными, к 1923 г. он отходит от движения.

Но сообщество сохраняется, укрепляется, эволюционирует, продолжает формировать свою доктрину в целом и в частностях, что находит отражение в выпуске евразийцами коллективных текстов. Так, среди прочего, появляется «Евразийство (опыт систематического изложения)» (Париж, 1926) объемом 77 страниц. Установочной частью этого сочинения является концептуальный раздел «Вред ложных идеологий и жизненная необходимость истинной идеологии». Идеология определяется как «органическая система идей» [2, с. 7], при этом отмечается также, что идеологии бывают как истинными, так и «вредными». К последним причислен, например, коммунизм, как попытка предвидеть будущее, и на основе исключительно «гадательной картины будущего» его представители изобретают «мнимые» законы развития. Коммунисты представляют собой тип «вредных идеологов» именно потому, что их идеология ненаучна, поскольку формируется в новом мире на основе «полуграмотного толкования плохо понятой гегелевской философии», и ошибочна в силу своей абстрактности, из-за чего она оказывается «вне связи с конкретной действительностью» [2, с. 5].

Но коммунистов, как «вредных доктринеров», рекомендуется отличать от большевиков. Большевик как тип мыслительного и поведенческого максимализма, есть «абсолютность заданий», при этом он учится у жизни, предпочитая соотносывать с ней свою деятельность. Вот почему

большевики, несмотря на ложность и абстрактность теории в виде марксизма, сохранили чувствительность к реальности, к потребностям русской действительности. Отмечается в «Опыте систематического изложения» евразийства также, что в разные эпохи то идеология опережает жизнь, то наоборот – жизнь опережает идеологию. И анализируя свое время, евразийцы полагают, что в данную эпоху жизнь опередила идеологию и требует идеологического осмысления и оправдания, и видят также, что занимающаяся как в России, так и за ее пределами «заря новой жизни – заря новой философской эпохи» [2, с. 10].

Этот небольшой по объему, но емкий по содержанию текст вкупе с другими работами показывает, что внутри нового движения, с его установкой на формирование органической системы идей, идет непрерывная работа по перебору нужных и полезных установок сознания, по выяснению формы и содержания идеологии, по материи и структуре соответствующей философии. А привлекая к обозрению и анализу разнообразный материал, можно заметить в первую очередь такой «конструкт», как персонология, или персонализм в евразийском преломлении. И в этой концептуальной активности наиболее продуктивными оказываются два евразийца, представляющие интерес и как деятели нового идеологического течения, и как «конструкторы» философии, претендующей на обновление теоретических и практических аспектов всей жизни.

Интеграция религиозно-философского «всеединства» в практику евразийского движения: «симфоническая личность» и просопология Л.П. Карсавина

В 1923 г. от движения отошел Г.В. Флоровский, наиболее подготовленный среди евразийцев в философии, зато вскоре к группе примкнул Л.П. Карсавин. В то время как Флоровского на момент вхождения в сообщество можно считать скорее неопитом в философии, то Карсавин к этому времени сформировался уже как мыслитель, состоялся как автор, имея в творческом активе такие работы, как «Петербургские ночи», «Восток, Запад и русская идея», изданных в Петрограде в 1922 г., «Философия истории» (опубликовано в 1923 г. в Берлине) и «О началах» (1925 г.). Также следует учесть сложившийся профессионально-академический формат Карсавина: диссертации магистерская и докторская, разнообразная педагогическая деятельность, включая профессорство, публикационно-издательская активность в гуманитарной сфере, участие в профессиональных сообществах. Таким образом, Карсавин прошел все ступени образования, профессионального признания, опробовал себя в практической и теоретической сферах, получил официальное и неофициальное признание. Так что евразийское движение получало ценный актив. Также можно отметить, что в то время как Флоровский, обретая точки академической опоры, приступал только к творческой самореализации в условиях начинающегося, формирующегося евразийства, Карсавину удалось привнести в движение не только

профессиональную философию, но и повлиять на судьбу движения в целом. Оставляя в стороне разбор внешних причин сближения с евразийцами, основываясь лишь на ретроспективном взгляде, можно сказать, что евразийство в момент вхождения в него Карсавина могло казаться ему своего рода геополитической аналогией всеединства. Евразийство могло видаться движением, с помощью которого принципы метафизики всеединства можно было бы сделать практикой государственного и культурного строительства.

Политическая активность евразийцев, которая отпугнула Флоровского, интеллектуала Карсавина не только не отвращала, но и, наоборот, привлекала. И спектр задач, решаемых Карсавиным как политическим мыслителем, будет простирается от спекулятивных «Основ политики» до осмысления советского режима с точки зрения его полезности для философии. К евразийцам он примкнул в 1925 г., а с 1926 г. уже выступает как один из ведущих теоретиков движения. Благодаря ему формируется интеллектуальная инфраструктура внутри идеологического универсума. Так, в Париже под его руководством ведется «Евразийский семинар», основу которого составляли его лекции «Россия и Европа». При спекулятивном характере ума Карсавин в то же время проявил больше интереса к посюсторонней реальности, к жизни, к действительности, преобразованием которой заняты были евразийцы. К тому же, именно работая прежде всего с действительностью, евразийцы намеревались освободиться от прелестей всякого рода ложных идеологий, равно как и философий спекулятивного типа: «Живая конкретная действительность отрицает, высмеивает и разрушает абстрактные формулы» [2, с. 4].

В итоге, погружаясь в евразийскую «действительность», ядром которой была «русская жизнь», Карсавин органично трансформируется в соответствии с задачами движения в политического мыслителя, евразийского философа, со всеми формальными и неформальными атрибутами. Карсавин появляется в евразийских изданиях с 1925 г.: «Евразийский временник Книга четвертая» (Берлин) содержит его статью «Уроки отреченной веры». Примечательно, что на это издание реагирует Н.А. Бердяев в только что созданном журнале «Путь», отметив, среди прочего, философскую часть нового течения. Евразийцы, как видится Бердяеву, восстанавливают историософическую теорию Данилевского, формируют тип воззрения, который неприемлем для него: «Национально-расовая и географическая историософия столь же материалистична, как и экономический материализм. Она отрицает, что философия истории есть философия духа, духовной жизни человечества. Она забывает, что кроме Востока и Запада, кроме столкновения рас и кровей есть еще царство духа и что потому только возможно стало в мире христианство» [1, с. 136–137]. В свою очередь, примкнувший к евразийству Карсавин дает свой разбор суждений Бердяева, показывая как слабые места критика, так и сильные стороны нового движения [5].

С каким интеллектуальным активом влияет Карсавин в евразийское движение?

Еще будучи в России, в конце 1919 г. он приступил к большой работе под названием «Метафизика Христианства», появлению которой предшествовали как семинары в Петроградском университете по теме «История христианской догмы и философии», так и курс лекций «Введение в гносеологию и метафизику», прочитанный им в открывшемся Богословском институте. Занятия над «Метафизикой Христианства» были прерваны сначала арестом, затем высылкой (1922). Но уже в конце лета 1923 г. оказавшийся в Берлине Карсавин возобновляет работу, так что в конце ноября 1923 г. он фиксирует следующее положение дел: «У меня, конечно, есть светлый пункт – это все та же тебе известная Метаф[изика] Христианства]. Ее пишу днями и ночами, и все осмысляю превосходства отказа от себя и своего» [3, с. 364]. В последней редакции труд должен был состоять из трех частей, объединенных названием «О началах (Опыт христианской метафизики)». К 1925 г. в Берлине, в издательстве «Обелиск» появляется текст, воплощающий часть его замысла: «О началах. Бог и тварный мир».

Также свои идеи Карсавин декларирует в «профильном» издании, опубликованном в Париже в 1926 г.: «Евразийство (опыт систематического изложения)». Здесь он прописывает основы «истинной идеологии», конкретизируя новое мировоззрение на материале собственных философских наработок. Новой эпохе предлагается обновленная установка сознания и переработанная терминология. Таким образом достигается видимая демаркация между миром и сознанием прежним и новым, что облегчает задачу тем, кто готов взяться за демонтаж прежнего мироустройства и мирозерцания. Что находит Карсавин в современности из старого мира, когда речь заходит о концептуальном пространстве? Понятие отделенного и замкнутого в себе социального атома. Чем его следует заменить? Понятием личности как живого и органического единства многообразия. Этой личности присуще «единство множества» состояний и проявлений, в силу чего она характеризуется как «единство множества и множество единства»; она есть по сути своей «всеединство» [2, с. 11]. Вместе с тем Карсавин признает реальностью не только 1) «индивидуальную личность», но и 2) социальную группу, где есть и а) сословие, и б) класс, и в) народ, и г) «субъект культуры» (например, культуры русско-евразийской), и д) человечество. Заменяя архаичное ему понятие «внешней связи» понятием «связи органической или личной», Карсавин и все элементы второй группы (а, б, в, г, д) полагает личностями, только, в отличие от индивидуумов, «личностями соборными», личностями «симфоническими» [2, с. 12]. Такое модернизированное учение о личности, для удобства именуемое им еще и «просопология», дает основание для правильного и полного понимания евразийской идеологии.

В следующем сборнике движения – «Евразийский временник. Книга пятая (Париж, 1927) – печатаются две статьи Л.П. Карсавина: «Основы политики» и «Феноменология революции». Особого внимания заслуживает работа «Основы политики» как в контексте «систематического учения о культуре», так и из-за рассуждений о философии, в основе которых – «учение о

личности». Карсавин исходит из того, что политика должна строиться «не на индивидуалистически-материалистических и не на бездейственно релятивистских предпосылках и гипотезах», а на философском учении о личности – «просопологии, или персонологии», что только из учения о личности «выясняются природа и строение субъекта культуры как личности соборной, природа государственности как формы, определяющей личное бытие этого субъекта и органичность культуры, смысл духовного и материального творчества культуро-субъекта» [4, с. 111]. Таким образом, из этих работ видно, как под новое политическое движение, равно как и под соответствующее партийное строительство, подводится философская платформа.

Помимо статьи Карсавина «Основы политики» (1927), заслуживает внимания и его работа «Прологомены к учению о личности» [6], а также его книга «О личности», изданная в Каунасе в 1929 г., где есть главы «Индивидуальная личность», «Симфоническая личность», «Совершенство и несовершенство личности» [7, с. 3–234]. Все они демонстрируют контуры той философии, которой должны придерживаться евразийцы, выступающие конкурентами коммунистам в деле преобразования действительности. В то время как большевики руководствуются принципами марксизма, евразийцы должны планировать свою теорию и практику исходя из положений персонализма, просопологии.

Персонология Н.С. Трубецкого: евразийская координация комплекса наук о личности

Одновременно с Карсавиным развитию новой идеологии в философском контексте уделяет внимание и Н.С. Трубецкой. Однако, при всей укорененности в движении, он не столь углублен в проблематику философии. Оттого-то, возможно, развитие темы «евразийской философии» вместо унисона приводит к диссонансу, творческое разногласие – к разногласию, а полемика – к пререканию. Действуя внутри одного движения, решая общую проблему, Трубецкой и Карсавин не создают творческий тандем, как следовало бы ожидать, а возникающая полифония мнений содержит элементы конфликта, эмоционального и интеллектуального сопротивления.

В отличие от Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкой – давний участник движения, можно даже сказать, что с него оно и начинается. Возникновение евразийской группы почти инициировано выпуском книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество». Летом 1921 г. в Софии проходит семинар, где с докладами выступают Н.С. Трубецкой и Г.В. Флоровский, а в августе того же года в Болгаро-Российском книгоиздательстве (директором-распорядителем был П.П. Сувчинский) выходит в свет первый евразийский сборник из цикла так называемых «Утверждений» – «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев. Предчувствия и свершения. Книга 1» (София, 1921), где есть две статьи Трубецкого: «Об истинном и ложном национализме» и «Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры)». В 1922 г., когда в Берлине вышел сборник «На путях. Утверждение Евразийцев. Книга

вторая», там также напечатаны две статьи Трубецкого: «Религия Индии и христианство» и «Русская проблема». В следующем году в том же Берлине публикуется сборник «Россия и латинство, где Трубецкой представлен работой «Соблазн единения». С 1923 г. начинает выходить теоретический печатный орган евразийского движения – «Евразийский временник», и нашего внимания заслуживает четвертый выпуск (1925) с текстами Трубецкого «Мы и другие» и «О туранском элементе в русской культуре».

В контексте формирования темы евразийской «философии» заслуживает внимания последняя статья, где Трубецкой «ясно и конкретно» пытается представить «туранский психологический тип», решив начать с иллюстрации его проявления в жизни отдельного человека. Типичный представитель туранской психики в нормальном состоянии, в понимании Трубецкого, характеризуется душевной ясностью и спокойствием. Его мышление, познавательные процессы, внутренние состояния, все восприятие внешней действительности укладываются в простые схемы, симметричные его «подсознательной философской системе». В схемы этой «подсознательной системы», в основе которой ясность и спокойствие, вписываются также и все его поступки, поведение и быт. При этом «система» не сознается как таковая, она не отрефлексирована, она вся таится в подсознании, являясь при этом явной основой всей душевной жизни человека. Благодаря этому, как видится Трубецкому, «нет разлада между мыслью и внешней действительностью, между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное, неразделимое целое» [10, с. 156].

Далее, определившись с базовыми элементами туранского психотипа, Трубецкой намерен продемонстрировать, как и в чем туранский психологический тип может отражаться в русском национальном характере и какое значение имели черты «туранской психики» в русской истории. В итоге феноменология русской истории сквозь призму туранского элемента имеет следующий вид. Из-за «туранского» архетипа догмат веры, к примеру, рассматривается как основной фон душевной жизни и внешнего быта, а не как предмет философской спекуляции. В итоге получается, что религиозное мышление лишено гибкости, демонстрирует пренебрежение к абстрактному, тяготеет к конкретизации, к воплощению религиозных переживаний и идей в формах внешнего быта и элементов культуры. Вместо сознательно продуманной и тонко детализированной богословской системы в Древней Руси, как видится Трубецкому, все же получилась «подсознательная философская система», словами не выраженная и, несмотря на свою концептуальную неоформленность, нашедшая выражение во всем житейском укладе [10, с. 156]. Говоря другими словами, можно сказать, что Трубецкой усматривает в русской культуре склонность к философии на интуитивном уровне, поскольку философские конструкции как бы встроены в структуру сознания; мы философствуем самой жизнью, о нашей философии говорит образ жизни, а не термины.

Вскоре Н.С. Трубецкой также начинает оперировать понятием «симфоническая личность», включаясь в персонологический нарратив, однако больше внимания он уделяет необходимости создания учения о личности на основе системы наук, избегая уклона в метафизику, погружения в спекулятивное умонастроение. Пытаясь держаться середины между умозрительным и эмпирическим, в предисловии к сборнику своих статей 1927 г. («К проблеме русского самопознания») он отмечает, что одним из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения, является понятие личности, и что «на этом понятии строятся и философская, и историософская, и социологическая, и политическая стороны евразийства» [10, с. 105].

Сосредоточившись на личности в контексте задач евразийского движения, но не упуская из виду и чисто научные цели, Трубецкой приступает к формированию своего воззрения в терминах персонализма. Прописывая свою позицию, он фиксирует следующее: хотя личность в силу своей «неразложимости и неповторимости» не может быть познана исключительно средствами человеческого рассудка, тем не менее она может и должна быть предметом научного и философского изучения. Поскольку постигаться могут либо общие законы существования личности и отношение личности к миру и к другим личностям, либо формы эмпирического проявления как личности вообще, так и какой-нибудь конкретной данной личности, то мы должны сформировать комплекс наук, где координатором должна стать «особая наука о личности – персонология» [10, с. 107].

Пока же, как считает Трубецкой, подобного типа персонология еще не сформирована. Все ученые, ведущие работу в указанной области, должны сознавать, что их личный труд есть только часть общего исследования и что общим предметом исследования является именно «конкретная многоличностная личность в ее физическом окружении». В силу такой ориентации научного сознания возникнет потребность согласовать и осмыслить результаты, добываемые отдельными науками. Это приведет к тому, что наряду с «описательными» научными исследованиями появятся исследования, «осмысляющие» фактический материал, а именно: наряду с исследованиями историческими появятся исследования «историософские», наряду с исследованиями этнографическими – исследования «этнософские», наряду с географическими — «геософские» и т. д. И уже из совокупности таких вот «осмысляющих работ» и должна возникнуть особая «теория данной личности» [10, с. 108].

Поскольку центром всех теоретических и прикладных исследований является понятие личности, они все должны быть согласованными друг с другом и вместе составить единую систему наук, подчиненных персонологии. Но и этим задача евразийского движения как системы мирозерцания не исчерпывается: «Идея личности», доминируя в системе наук, не исчерпывается одними науками и потому становится «исходной точкой» уже для «системы философии». «Идея личности», собравшая в единый комплекс науки, создавшая опорную точку для новой философской системы, также должна сыграть

важную роль и в системе богословия, где природа личности найдет свое «окончательное раскрытие». Трубецкой подводит итог: таким образом, вместо «энциклопедии», т. е. конгломерата друг с другом не согласованных научных, философских, политических, эстетических и т. д. идей», должна быть создана стройная и органически согласованная система идей, которой должна соответствовать и «система практических действий» [10, с. 109]. Последнее для него особенно важно, поскольку именно совокупность согласованных практических действий и позволит избежать формирования очередной красивой, но бесполезной, а то и вредной для жизни теории.

Итоги / Заключение

Таким образом, с 1925 по 1927 г. внутри евразийского движения формируется «персонализм» как особая, собственная, своя философская платформа. Однако, занимаясь реконструкцией евразийского движения в философском аспекте, не следует упускать из виду и контекстуальные моменты, и иные сюжеты из философии в целом. Также необходимо принимать во внимание расширительные и узкие толкования того, что есть персонализм. Опуская здесь многие детали, отметим лишь, что персонализм в России, в его узком и техническом значении, развивался со второй половины девятнадцатого века. Первым его представителем можно считать Тейхмюллера, связанного с Дерптским университетом. Среди его последователей можно отметить Я.Ф. Озе, докторской работой которого станет сочинение «Персонализм и проективизм в метафизике Лотце». Затем персонализм приобретает местный колорит, национальный характер, одновременно и запутанность из-за многообразия форм, трактовок. Трудности в установлении проблемного поля российского персонализма усиливаются еще и терминологическим многообразием. Так, например, А.А. Козлов, относимый к персоналистам, свое учение называл «панпсихизмом», к персоналистам относят также создателей новых вариантов монадологии – П.Е. Астафьева («критическая») и Н.В. Бугаева («эволюционная»). Так что, говоря о персонализме в России, следует непременно делать оговорку: какой тип персонализма, какая его версия? Есть свой персонализм у Л.М. Лопатина, у Н.О. Лосского, тео- и антропософов всех оттенков. И вот за пределами России, но интеллектуальными усилиями соотечественников появляется еще и евразийский персонализм, в основе которого «симфоническая личность».

Только евразийский персонализм не следует рассматривать как естественный момент эволюции российского персонализма. Евразийский вариант персонализма есть результат конструирования, а не вызревания в процессе эволюции мысли. Евразийцы не философское сообщество, не сообщество метафизиков, которое интеллектуально и институционально включено в академический процесс. Это сообщество интеллектуалов, представителей различных сфер знания, объединенных политическими целями и задачами. Но будучи политическим сообществом, идеологическим «орденом», они предпочитают интеллектуальные методы, научные инструменты, техники и

практики. И пытаясь сформировать интеллектуальную политику, они принимаются, с одной стороны, за переформатирование научных дисциплин, с другой стороны – за конструирование собственной философии. И конструирование собственной философии достигло конкретности в виде «персонализма».

Разрабатывается он прежде всего Карсавиным и Трубецким на протяжении 1925–1927 гг. Здесь уже не стилистические правки в области философии, как то было в период формирования евразийства в исполнении Г.В. Флоровского с его рассуждениями о «новой православной философии» и П.Н. Савицкого с робкими помыслами о «благой метафизике»). Здесь представлен определенный нарратив, формируемый Н.С. Трубецким (в виде плана комплекса наук о человеке) и Л.П. Карсавиным с его видением «симфонической личности». При этом евразийская философия разрабатывается как сознательная альтернатива марксистской философии. И что особенно важно – новая доктрина разрабатывается в данный момент не столько опираясь на наследие русской мысли, сколь отталкиваясь от канонов марксистской идеологии. Но формируясь как принципиально иная по отношению к марксизму философия, евразийская просопология / персонология должна все же найти опорные моменты не только в настоящем, но и в прошлом. Но готовой предыстории «персонализма» в евразийском понимании еще нет, ее надо будет создать. На данном же этапе идет конструирование персонализма, евразийской философии. Это и сделано усилиями Трубецкого, но прежде всего и более всего стараниями Карсавина.

Но собрав воедино тексты, все соответствующие фрагменты, получив представление об объеме проделанного в эмпирическом и методологическом плане, мы видим, что эта философия пока лишь более придумана, сконструирована, представлена в рассказах и текстах. Она задекларирована, но не детализирована, не прописана в полном объеме и совсем еще не применена на практике. О ней говорят некоторые евразийцы, но далеко не все; ее описывают, но далеко не все понимают и принимают. Она не стала основой единоголосия и единомыслия, ее апологеты не сформировали язык, который в кругу представителей разных областей знания стал бы метаязыком. В отличие от марксистской философии, которая не только «демонтировала» старый мир, но и формирует новый, сочетая теорию с политической активностью.

Евразийская философия была на тот момент лишь конструктом, у которого есть творец, имеются читатели и слушатели, но нет последователей, причем даже внутри евразийского союза. Эта философия в виде «персонологии» была проявлением интеллектуального искусства, волевого усилия, а не плодом творческой эволюции, прошедшей проверку на прочность в долгих баталиях с оппонентами, проверку жизнью. Так что в этот период функционирования евразийского союза философия лишь сконструирована, она существует больше в текстах, чем в сознании, о ней знает узкий круг людей, но никто не руководствуется ею.

К тому времени как внутри евразийства ввели в оборот «симфоническую личность», чтобы проявлять ее модификации на практике для

преобразования мира в лучшую сторону, сами евразийцы все чаще совершали поступки, которые вносили дисгармонию в собственную жизнь, приближая движение к разделению на «левое» и «правое», а затем и приведя его к полному разложению. Содействовала этому отчасти и придуманная собственная, «партийная» философия. Но на тот момент проделанная работа виделась конструктивной, продуктивной. Отчасти это верно, если смотреть на это событие и в историко-философской проекции: всякая практико-ориентированная интеллектуальная политика приводит к пониманию необходимости опоры на философию. Одни ее ищут в прошлом, другие пытаются изобрести в настоящем, в своем времени и пространстве, в окружающем их мире с его проблемами. Желание евразийских идеологов быть актуальными инициировало разработку ими новой философии. Но эта «философия», в виде персонологии, проявилась лишь как искусственная установка сознания, краткая в своей длительности по времени и ограниченная в пространстве. На тот момент она была всего лишь убеждением для части кружка интеллектуалов, содействуя спорам и конфликтам, а не согласованным действиям и органическому умонстроению.

Все это хорошо иллюстрирует фрагмент из письма к П.П. Сувчинскому (1927), где, не называя имен, Трубецкой выражает резкое неприятие интеллектуальной активности Карсавина, равно как и фиксирует положение дел в области евразийской философии: «Когда нас упрекают, что у нас нет системы, а есть механическая смесь, ералаш совершенно разнородных, друг с другом совершенно не связанных идей, из которых каждый может выбрать себе подходящую, то упреки эти справедливы. При помощи субтильной казуистики, метафизического тумана и жонглированием удобными, но абсолютно бессодержательными философскими понятиями (вроде всеединства), конечно, можно примирить друг с другом самые противоречивые понятия и создать видимость системы. Но этим никого не проведешь. Здравомыслящий простой человек прекрасно видит, что это – жульничество» [9, с. 56].

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Евразийцы («Евразийский временник. Книга четвертая», Берлин) // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1925. № 1. С. 134–139.
2. Евразийство: (опыт систематического изложения). [Париж; Берлин]: Евразийское книгоизд-во, 1926. 78 с.
3. Карсавин Л.П. О началах. Берлин: YMCA-PRESS; Петербург, 1994. 376 с.
4. Карсавин Л.П. Основы политики. Мир России-Евразия: Антология / сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. 396 с.
5. Карсавин Л.П. Ответ на статью Бердяева об евразийцах // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1926. № 2. С. 124–127.
6. Карсавин Л.П. Прологомены к учению о личности // Путь. Орган русской религиозной мысли. 1928. № 12. С. 32–46.
7. Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М.: Renaissance. Т. 1. 325 с.

8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Автограф, 1997. 461 с.
9. Соболев А.В. Своя своих не познаша. Евразийство: Л.П. Карсавин и другие (конспект исследования) // Начала. Религиозно-философский журнал. 1992. № 4. С. 49–58.
10. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», 1995. 797 с.

EXPERIENCES IN «CONSTRUCTING» PHILOSOPHY: CLASSICAL EURASIANISM, SECOND STAGE (L.P. KARSAVIN, N.S. TRUBETSKOY)

V.V. Vanchugov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The article reconstructs the development of a new philosophy using classical Eurasianism as material. The aim of the study is to identify attempts to «construct» their own system of views, presented by the Eurasians in the format of a philosophical narrative. Of particular interest is the identification of a) the corpus of texts and the group of intellectuals, b) the context, the totality of social factors that influenced the ideologically motivated «creative» process. The results obtained by the author allow us to create a platform for understanding not only what happened in a certain place and under certain conditions, but also forms the mindset for similar actions in similar situations. Classical Eurasianism is of particular interest today for philosophical research, since it provides an opportunity to observe both the experience of organizing interdisciplinary research and the creation of a new philosophical direction that claimed to express a new ideology in the categories of academic philosophy.

Key words: *Eurasianism, ideology, worldview, design, metaphysics, methodology, doctrine, teaching, mindset.*

Об авторе:

ВАНЧУГОВ Василий Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва. E-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Author information:

VANCHUGOV Vasily Viktorovich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: vanchugov.v@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 21.10.2025.